

Образ Мастера в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»

Над своим последним романом Михаил Афанасьевич Булгаков работал ни много ни мало почти двенадцать лет. Примечательно, что в процессе работы он неоднократно менял название романа: например, один из законченных вариантов назывался «Великий канцлер», другой — «Князь тьмы». В этих случаях имелся в виду, конечно, дьявол, прибывший в Москву под именем Воланда. Были и другие названия. В кругу близких Булгаков всегда именовал этот свой роман не иначе как «роман о дьяволе». Даже в письме Сталину он упоминал о том, что сжег черновик романа о дьяволе.

Все-таки в окончательном варианте роман был назван «Мастер и Маргарита». По-видимому, смысловые акценты со временем сместились и в понимании самого автора. Всесилие дьявола, прибывшего в реальный мир, скорее всего, показалось Булгакову менее значительным перед лицом величия человека-творца, которого создатель романа даже не наделил ни именем, ни фамилией, а лишь титулом — Мастер; перед великой любовью Мастера и Маргариты, которая оказалась сильнее самых неблагоприятных обстоятельств действительности, сильнее безумия и самой смерти.

До сих пор литературоведы спорят о том, кто все-таки является главным героем романа: Мастер, Воланд, Иешуа Га-Ноцри или даже поэт Иван Бездомный? Из перечисленных персонажей именно Иван Бездомный появляется на первой же странице; он первым сталкивается с воздействием дьявольской силы Воланда и его свиты, а затем, по ходу действия, происходит духовное перерождение Ивана. Это довольно весомые аргументы, но, думается, молодой поэт на роль главного героя все-таки не годится. Если можно так выразиться, — не тот масштаб.

Мессир Воланд является, несомненно, наиболее могущественным действующим лицом романа. Он обладает громадной властью над обитателями реального и загробного миров, и его могущество постоянно подчеркивается членами его свиты. Практически сразу же после его появления жизнь в городе переворачивается с ног на голову, и никто не может ему противостоять, в том числе и люди из «соответствующих органов».

Воланд способен безоглядно распоряжаться людскими судьбами по своему усмотрению, сделать любого человека несчастным (как того же поэта Бездомного, председателя МАССОЛИТа Берлиоза, конферансье Бенгальского, буфетчика Сокова и многих других) или же счастливым (как Мастера и Маргариту да, пожалуй, еще домработницу Наташу). Но все-таки он — пришелец из иного мира, и его могущество так же фантастично, как и впечатляюще. Он может принять обличье человека, но по сути он — глыба мрака.

Иешуа Га-Ноцри? Именно так зовут в романе Булгакова Иисуса Христа. Казалось бы, рядом с таким действующим лицом все остальные персонажи должны поблекнуть и отойти как минимум на второй план. Но, в отличие от Воланда, Иешуа никак не вмешивается в то, что происходит на страницах романа в Москве, и принимает участие лишь в судьбе Мастера и Маргариты, да и то через своего посланника — евангелиста Левия Матвея.

Сам Михаил Булгаков называет тринадцатую главу окончательного варианта романа, в которой впервые перед читателем появляется Мастер, «Явление героя». Значит, герой романа все-таки Мастер? В пользу этой точки зрения можно привести и другие аргументы. По сути, именно на личности Мастера пересекаются основные сюжетные линии романа. Именно Мастер написал роман о Понтии Пилате, главы из которого равноправно сосуществуют на страницах романа с главами, описывающими фантастические события, которые произошли в изображенной им Москве 1930-х годов. Более того, роман, написанный Мастером, цитирует Воланд во время встречи с Иваном Бездомным и Берлиозом на Патриарших прудах.

Оказывается, Мастер написал не просто роман, а роман гениальный, роман-прозрение. Прочитав его, сам Иешуа Га-Ноцри, пребывающий в вечной обители света, в Царствии Небесном, рядом с Отцом своим, на Престоле Мира, был тронут творением Мастера. Оказывается, Мастер обладает могуществом не меньшим, а может быть даже большим, чем всемогущий Воланд. Сами Небеса не остались равнодушными к творчеству этого человека.

Случилось так, что Мастер посредством своего гениального романа соединил мир земной и мир небесный, и, если не объединил их, то, по крайней мере, подтвердил связь между ними.

Литературоведы также спорят о том, кто послужил прототипом Мастера. При этом чаще всего называются имена Гоголя и самого Булгакова. Почему Гоголь? Потому что Мастер, как и Николай Васильевич, сжег рукопись своего романа, был по образованию историком. Совпадают также некоторые внешние черты Мастера и Гоголя — острый нос, клок волос, свешивающийся на лоб. Булгаков также сжигал некоторые черновики своего романа, но возвращался к нему опять и опять, каждый раз добавляя все новые и новые главы.

Наиболее проницательные исследователи творчества Булгакова отмечают, что в имени героя романа заключен не только прямой смысл слова «мастер» — то есть специалист, достигший в какой-либо области высокого умения. Это слово активно противопоставляется герою слову «писатель». Ведь как раз на вопрос Ивана Бездомного: «Вы писатель?» ночной гость, погрозив кулаком, сурово ответил: «Я — мастер», с гордостью надев при этом шапочку с буквой «М», которую сшила ему Маргарита.

Мастер вообще не слишком-то хорошо относится к современным ему писателям. Когда он спросил Ивана, чем тот занимается, а Бездомный ответил, что он — поэт, Мастер даже огорчился: «Ох, как мне не везет!» Тогда Иван спросил: «Вам, что же, мои стихи не нравятся?» Мастер отвечал: «Ужасно не нравятся». — «А вы какие читали?» — «Никаких я ваших стихов не читал!.. Как будто я других не читал?»

После разговора с Мастером поэт Иван Бездомный пообещал, что больше стихов писать не будет, и слово свое сдержал. Позже он пошел учиться, стал высокообразованным человеком, даже профессором. И в этом также заслуга Мастера.

Кстати сказать, «мастером» в древности на Руси называли учителя, преподававшего грамоту по церковным книгам, и, следовательно, знатока евангельских сюжетов. В XIX веке это значение слова «мастер» еще сохранялось в орловском областном диалекте, что отмечал в своем знаменитом словаре В. Даль. Дед М.А. Булгакова был орловским священником, а его отец окончил орловскую духовную семинарию. Поэтому вполне можно говорить о том, что орловский диалект был для семьи Булгаковых родным.

Уместно предположить, что автор «Мастера и Маргариты» вкладывал в имя героя особый, не сразу проявляющийся смысл: Мастер — не только гениальный писатель, обладающий даром предвидения, но и наставник, способный пробудить в ученике самые светлые мысли. Именно это мы наблюдаем во взаимоотношениях Мастера и Ивана.

Говоря о Мастере-творце, Мастере-наставнике, мы не должны забывать о Мастере-человеке, о его трагической судьбе. И здесь мы можем обнаружить несомненные параллели с судьбой самого Булгакова.

К сожалению, самому Михаилу Афанасьевичу не удалось выиграть сто тысяч по облигации. Но его герою такой выигрыш помог обрести материальную независимость и независимость от многих реалий современной ему жизни. Что сделал Мастер, выиграв большие деньги? Накупил книг, снял для жилья подвальчик и принялся писать роман о Понтии Пилате. Учитывая особенности того времени, можно задать себе вопрос: что это, как не творческий подвиг?

И если Мастер совершает подвиг на страницах романа, то сам Михаил Афанасьевич совершил его в реальной жизни. И к автору, и к созданному им герою официальные власти предъявляли одни и те же претензии: «Что это за тема такая?!», когда в стране

кипит великая стройка, когда разрушены церкви, а гражданам этой страны с самого раннего возраста твердят со всех сторон, что Бога нет.

К сожалению, Булгакову не пришлось особенно напрягать творческую фантазию, описывая травлю и поток нападков, обрушившихся на его героя. Самому Михаилу Афанасьевичу в этом отношении пришлось пережить никак не меньше Мастера. Его не печатали, и, чтобы заработать средства к существованию, Булгакову пришлось работать помощником режиссера во МХАТе. Эта должность «мальчика на побегушках» сама по себе была унижением для человека такого огромного таланта. Однако и эту работу Булгаков смог получить лишь по личному распоряжению самого Сталина.

Как ни странно, «отец народов» по-своему симпатизировал непокорному писателю. Булгаков писал Сталину неоднократно, подчеркивая в своих письмах, что он никогда не сможет стать социалистическим писателем, поэтому не станет даже и пытаться исполнять «требования времени» (а на самом деле — требования власти). И всемогущий диктатор «пощадил» непокорного литератора, лишив его не жизни вообще, а «всего лишь» жизни творческой. Скорее всего, Сталин проявил в этом случае особо изощренную жестокость: ведь что такое для художника жизнь, в которой он лишен возможности свободно творить?

Но вернемся к образу Мастера. Итак, Мастер пишет роман о Понтии Пилате. В период работы над романом он встречает любовь всей своей жизни — ту самую Маргариту. Между прочим, он к тому времени уже был женат на другой женщине, имя которой он впоследствии затрудняется назвать Ивану Бездомному во время их ночной беседы в клинике Стравинского. Так сильно было чувство, вспыхнувшее между Мастером и Маргаритой, что весь остальной мир перестал для них существовать.

Великая любовь придает Мастеру новые силы. В лице Маргариты он встретил не только возлюбленную, но также друга, соратницу и единомышленницу. Маргарита в свою очередь влюбляется не только в Мастера, но и в его творение, она помогает ему во всем, что касается работы над романом. И «мастером» его впервые называет именно она. Маргарита с нетерпением ждет момента, когда роман будет закончен и Мастер станет знаменитым, а она сможет, наконец, уйти от нелюбимого мужа.

И вот роман завершен. Но первый же редактор, прочитавший его, не просто отказывается печатать произведение; он даже не решается при разговоре взглянуть автору в глаза. Под надуманным предлогом в публикации отказано. Все планы Мастера и Маргариты рухнули. Другой редактор напечатал отрывок из романа, но это лишь усугубило ситуацию. Критики обрушивают на Мастера поток агрессивных публикаций. Парадокс: роман не опубликован полностью, но его клеймят позором практически во всех авторитетных периодических изданиях.

Мастера называют в газетах «врагом», «воинствующим старообрядцем», «богомазом». К его имени накрепко приклеилось слово «пилатчина», от которого Мастер, впервые прочитав его, по его собственному выражению, остолбенел. Примечательно, что самому Михаилу Афанасьевичу пришлось пережить подобный же приговор советской критики. В его случае он звучал как «булгаковщина». И автор, и придуманный им герой оказались для цензуры «несвоевременными».

Что заставляет нас говорить о героизме Мастера? Ведь он не выдержал гнета обстоятельств, как говорится, «сломался». Его доконали цензура, травля, интерес к нему «соответствующих органов» после доноса. И вот результат: Мастер оказался в психиатрической клинике, из которой он не надеялся выбраться никогда. О каком героизме, собственно, идет речь?

В жизни бывают обстоятельства, когда мыслить самостоятельно, «не так, как все», — это уже героизм. В годы разгула всеобщего атеизма обратиться к теме христианства, к теме христианского милосердия — разве это не героический поступок? А ведь именно милосердие становится в романе нравственной вершиной, началом новой шкалы человеческих ценностей. Так, Иешуа Га-Ноцри прощает Пилата с высоты своего божественного величия, а Мастер дарует прокуратору прощение от имени рода людского.

И с этого момента начинается отсчет новой эры нравственной истории человечества. В этом героизм Мастера-творца.

Больной, одинокий, отвергнутый всем миром Мастер, оказавшись в психиатрической клинике, намеренно и сознательно отказывается от любой попытки напомнить о себе Маргарите. А ведь она, несомненно, — единственный человек, который может и, главное, хочет спасти несчастного художника. Но Мастер непреклонен. «Разве можно посылать письма, имея такой адрес?» — говорит он в сумасшедшем доме своему собрату по несчастью Ивану Бездомному. В этом несомненный героизм Мастера-человека.

И то, что, казалось бы, можно расценить как слабость, на самом деле лишь оттеняет и подчеркивает высокие нравственные качества Мастера. Ведь человек всегда остается человеком; Так, услышав от Ивана Бездомного о прибытии Воланда в Москву, Мастер, в глаза не видев загадочного «иностраница», сразу узнает в нем сатану. Все же остальные москвичи, даже столкнувшись с дьяволом лицом к лицу, не могут (или не хотят?) распознать в нем князя тьмы. Но тот же Мастер, впервые встретившись с Воландом, поначалу более склонен считать его плодом собственных галлюцинаций. Порой и самому пронизательному человеку не так-то просто поверить в то, что большинство людей считает невозможным. Иногда поверить в невозможное — не меньший героизм, чем невозможное совершить.